

Даниэль Кельман

.....

Даниэль Кельман

СЛАВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Нем)-44
К34

Daniel Kehlmann
RUHM

Серия «Шорт-лист»

Перевод с немецкого *Татьяны Зборовской*

Издание публикуется с разрешения издательства
Rowohlt Verlag GmbH

Художник *Екатерина Белявская*

Дизайнер *Василий Половцев*

Кельман, Даниэль.

К34 Слава: роман / Даниэль Кельман; [пер. с нем. Т. Зборовской]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Шорт-лист).

ISBN 978-5-17-103429-0

Знаменитый актер утрачивает ощущение собственного Я и начинает изображать себя самого на конкурсе двойников. Бразильский автор душеспасительных книг начинает сомневаться во всем, что он написал. Мелкий начальник заводит любовницу и начинает вести двойную жизнь, все больше и больше запутываясь в собственной лжи. Офисный работник мечтает попасть в книжку писателя Лео Рихтера. А Лео Рихтер сочиняет историю о своей возлюбленной.

Эта книга — о двойниках, о тенях и отражениях, о зыбкости реальности, могуществе случая и переплетении всего сущего. Где отражения, а где действительность? Этого не знает никто.

«Мы все всегда пребываем в какой-то истории. Истории в истории в истории», — говорит Лео Рихтер.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Нем)-44

ISBN 978-5-17-103429-0

Copyright © 2013 by Rowohlt Verlag GmbH,
Reinbek bei Hamburg, Germany
© Зборовская Т., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Stimmen

Голоса

Не успел Эблинг дойти до дома, как у него зазвонил мобильный. Много лет Эблинг отказывался обзавестись сотовым телефоном — сам он как человек, работающий с техникой, всяким таким вещам не доверял. Отчего же никого не смущает, что они подносят к голове источник агрессивного излучения? Но у Эблинга была жена, двое детей и горстка коллег, и кто-нибудь непременно да жаловался, что его никогда нет на связи. Наконец Эблинг капитулировал, купил себе телефон и попросил продавца прямо на месте подключить его. И был впечатлен, несмотря на весь свой критический настрой: как ни крути, а устройство было просто идеальным — эргономичной формы, гладкое, изящное. И тут вдруг ни с того ни с сего оно решило зазвонить.

Посомневавшись, Эблинг нажал на кнопку.

Женский голос потребовал некоего Рафа — а может, Ральфа или Рауфа, он толком не разобрал.

— Вы ошиблись, — сказал Эблинг. — Ошиблись номером.

Дама извинилась и повесила трубку.

Вечером снова зазвонил телефон.

— Ральф! — хрипло заорал какой-то мужчина. — Ну ты как? Ты чего? Что там у тебя, ты, свинья тупая?

— Вы ошиблись, — произнес Эблинг, присев в постели. Шел одиннадцатый час, и жена глядела на него с упреком.

Мужчина извинился, Эблинг отключил телефон.

К утру ему оставили три сообщения. Эблинг прослушал их в электричке по дороге на работу. Какая-то женщина, хихикая, просила ей перезвонить. Мужской голос громогласно требовал явиться немедленно, потому что дольше ждать они не собираются; на заднем плане слышалась музыка и звон бокалов. Затем вновь звонила женщина, спрашивала: «Ральф, да где ж тебя носит?»

Вздохнув, Эблинг позвонил в службу поддержки.

— Очень странно, — скучающим голосом ответила ему дама на проводе. — Такого в принципе не могло произойти. Никому никогда не продадут номер, уже присвоенный другому клиенту. От подобных случаев абонент гарантированно застрахован.

— Но произошло же!

— Никак нет, — повторила дама. — Это невозможно.

— И что вы намерены делать?

— Не имею понятия, — ответила она. — Такого не может быть, потому что быть не может.

Эблинг раскрыл было рот, но, подумав, закрыл обратно. Он понимал, что другой на его месте страшно возмутился бы — но ему возбуждаться было несвойственно, этим его обделила судьба. Он нажал на сброс.

Не прошло и пары секунд, как телефон вновь зазвонил.

— Ральф! — обратился к нему мужчина.

— Нет, это не он.

— Чего?

— Этот номер не... Его просто по ошибке... В общем, вы ошиблись.

— Но это телефон Ральфа!

Повесив трубку, Эблинг сунул мобильник в карман куртки. Городская электричка снова была набита битком — а значит, сегодня он опять вынужден был ехать стоя. С одной стороны к нему прижималась толстая тетка, с другой — усатый мужчина, глядевший на него, словно на заклятого врага. Эблинга многое в его жизни не устраивало. Его раздражало, что жена такая рассеянная, что она читает такие глупые книжки и ужасающе готовит. Удручало, что сын не блистал интеллектом, а дочь, казалось, была совсем чужим человеком. Мешало, что сквозь тонкие стены постоянно доносится храп соседа. Но больше всего его угне-

тали поездки в общественном транспорте в часы пик. Вечно эти набитые битком электрички, вечно эта теснота, и не было еще такого случая, чтобы от соседей приятно пахло.

Но работа Эблингу нравилась. Он и несколько десятков коллег сидели в ярком свете ламп и инспектировали бракованные компьютеры, которые со всей страны присылали им продавцы. И он знал, сколь хрупки были эти маленькие мыслящие пластинки, сколь сложны и загадочны. Никто в точности не знал, как они устроены, не мог по-настоящему объяснить, отчего они вдруг переставали работать или начинали себя как-то странно вести. Причин давно уже никто не искал; они просто заменяли детали до тех пор, пока машина не начинала вновь функционировать. Эблинг частенько пытался себе представить, как многое в мире зависит от этих вот аппаратов — тех самых аппаратов, о которых ему было прекрасно известно: если они и впрямь выполняют то, что от них требуется, то это практически чудо, исключение из правил. Вечерами, в полусне, такие мысли — обо всех этих самолетах, электронно управляемом оружии, банковских серверах — вызывали у него беспокойство, порой столь сильное, что сердце начинало тревожно биться. Тогда Эльке раздраженно спрашивала, отчего ему не ложится спокойно (с тем же успе-

хом она могла бы делить ложе с бетономешалкой!), а он извинялся и про себя вспоминал, что еще мама ему говорила: он слишком впечатлительный.

Когда Эблинг вышел из электрички, телефон снова зазвонил. Это была Эльке с просьбой вечером по пути домой купить еще и огурцов: в универмаге на их улице они нынче шли особенно дешево.

Пообещав зайти за огурцами, Эблинг поспешил распрощаться с женой. Телефон тут же зазвонил вновь, и женский голос поинтересовался, хорошо ли он обо всем подумал: пренебрегать такой, как она, может только полный идиот. Или, может, он на этот счет другого мнения?

— Нет, — ответил он, не раздумывая. — Я именно такого мнения.

— Ральф! — расхохоталась она.

Сердце Эблинга стучало, в горле у него пересохло. Он нажал на отбой.

Всю дорогу до офиса он чувствовал себя растерянно и беспокойно. По всей видимости, тембр голоса предыдущего владельца номера был очень схож с его собственным. Он вновь попытался позвонить на горячую линию.

Дама на проводе ответила, что, увы, присвоить ему другой номер невозможно — только за дополнительную плату.

— Но этот номер принадлежит кому-то другому!

— Это невозможно, — ответила дама. — От этого клиент...

— Гарантированно застрахован, я знаю! Но мне постоянно звонят и спрашивают... Знаете, я и сам техник. И понимаю, что вам постоянно звонят люди, совершенно не понимающие, как все это работает. Но я все-таки специалист. Я знаю, как...

— Ничего не могу поделать, — сообщил голос. — Я передам ваше обращение в службу.

— И что? Что потом?

— Потом будет видно, — отрезала дама. — За это не я отвечаю.

Всю первую половину дня Эблинг никак не мог сосредоточиться на работе. Руки его дрожали, есть в обеденный перерыв совершенно не хотелось, хотя в столовой давали венские шницели. Шницели случались редко, и обычно Эблинг радостно поджидал их еще накануне. Но в этот раз он вернул на стеллаж поднос, едва тронув свою порцию, а сам отсел в дальний угол и включил телефон.

Три новых голосовых сообщения. Дочь просила забрать ее из танцкласса. «Удивительно», — подумал Эблинг. Он даже и не знал, что та занимается балетом. Какой-то мужчина просил ему перезвонить; кому была адресована эта просьба,

самому Эблингу или кому-то еще, было неясно. Наконец, некая женщина интересовалась, куда это он запропастился. Ее глубокий, мурлычущий голос был ему совершенно незнаком. Только он собрался снова отключить сотовый, как тот опять зазвонил. Номер начинался с «+22». Что это была за страна, Эблинг тоже не знал. Знакомых за границей у него не было — только кузен в Швеции и одна полная пожилая дама в Миннеаполисе, каждый год славшая ему к Рождеству фотографию, на которой она, ухмыляясь, поднимала бокал. «За моих дорогих Эблингов!» — традиционно значилось на обратной стороне. Ни он, ни его жена толком не знали, чья она была родственница. Эблинг решил принять вызов.

— Ну как, увидимся в следующем месяце? — спросил какой-то мужчина. — Ты ведь поедешь на фестиваль в Локарно? Ральф, они без тебя не справятся. Только не при нынешних обстоятельствах. Ты же это понимаешь?

— Видимо, буду, — ответил Эблинг.

— Ох уж этот Ломан. От него можно было ожидать! Ты не говорил с коллегами из «Дегетеля»?

— Пока нет.

— А пора бы уже, пора! Поездка в Локарно нам бы очень помогла, как и три года назад в Ве-

нецию, — рассмеялся мужчина. — Как у тебя вообще? Что, все-таки Карла?

— Ага, — ответил Эблинг.

— Ну и свинья же ты, старик, — сообщил собеседник. — Поверить невозможно!

— Вот и я того же мнения, — ответил Эблинг.

— Ты что, простужен? Голос у тебя какой-то странный.

— Я просто... сейчас занят кое-чем. Я перезвоню.

— Ладно, не переживай. Ты, похоже, неисправим — да, старик? — ответил мужчина и повесил трубку.

Прислонившись к стене, Эблинг потер лоб. Ему нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя и вновь осознать, что вокруг столовая, а рядом коллеги поедают шницели. Мимо прошел Роглер с подносом в руках.

— Приветствую, Эблинг, — бросил он. — Все в порядке?

— Еще бы, — ответил тот и выключил телефон.

Во второй половине дня вид у него был отсутствующий. Вопрос, какая именно деталь была неисправна и каким образом могли возникнуть те неполадки, что отметил продавец на листке неисправностей (записи с трудом поддавались расшифровке: «Клиент сообщил, что нажал

ресет, потому что откл. рядом с дисплеем, потом ничего не показ.»), его сегодня просто не волновал. Вот, оказывается, что это было за чувство — радостное ожидание.

Он растягивал удовольствие. Не включал телефон, пока ехал в электричке домой, не включал, пока покупал в супермаркете огурцы. Телефон спокойно лежал в кармане, пока он сидел за ужином с Эльке и двумя детьми, пинавшими друг друга ногами под столом. Но все это время Эблинг думал о нем не переставая.

Потом он спустился в подвал. Пахло сыростью, в одном углу стояли один на другом ящики с пивом, в другом — временно разобранный шкаф из «Икеи». Эблинг включил телефон. Два сообщения по голосовой почте. Но не успел он их прослушать, как телефон вновь задрожал: кто-то звонил.

— Слушаю.

— Ральф!

— Слушаю!

— Это что такое? — расхохоталась она. — Ты что, играешь со мной?

— В жизни не стал бы.

— А жаль!

Рука его задрожала.

— Ты права. Вообще-то я с удовольствием бы... С тобой...